

Процессы этногенеза в Европе в 3 тыс. до н. э.

С. А. Григорьев

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Существуют представления о том, что миграция ямных племен в Европу ок. 3000 г. до н. э. привела к распространению там предшественников современных европейских языков. Однако никакими фактами эта гипотеза не подтверждается. Шнуровые культуры Европы формировались не на ямной, а на местной основе и на основе более раннего неолитического импульса из степи. Процесс этногенеза был медленным. Миграции из Европы на восток фатьяновского и абашевского населения привнесли языки более ранней денекавказской группы, на которых говорило население неолитической Европы, кроме северо-восточных Балкан, где оформились языки анатолийской группы. Ямная миграция привела к вытеснению носителей последних в Грецию и Анатолию и распространению шнуровых культур, а также венетского и иллирийского языков. Последующий приход в кон. 3 тыс. до н. э. в Юго-восточную Европу фракийцев привел к вытеснению венетов и иллирийцев на Балканы и в Апеннины. Существование этого раннего индоевропейского пласта облегчило последующую адаптацию в регионе балтских, славянских, германских, кельтских и итальянских языков.

Ключевые слова: *неолит, РБВ, миграции, ямная и шнуровые культуры, Европа, этногенез, венеты, иллирийцы.*

Введение

За редким исключением население Европы говорит на языках индоевропейской¹ языковой семьи. Более того, значительная их часть локализована именно в Европе. Поэтому древняя история Европы важна для решения индоевропейской проблемы. В настоящее время существуют три гипотезы об ИЕ прародине. Первая связывает их с курганными культурами энеолита и РБВ Понто-Каспийских степей, почему она и получила название «курганной» [Gimbutas, 1956; Mallory, 1989; Anthony, 2007]. В соответствии со второй — индоевропейцы в Европу пришли в начале неолита из Малой Азии [Renfrew, 1987]. Третья предполагает локализацию прародины в Верхней Месопотамии и на Армянском Плато [Gamkrelidze, Ivanov, 1995; Grigoriev, 2002]. Но в Евразии язык, культура и гены распространялись в неолите и бронзовом веке с Ближнего Востока, и почти никогда в обратном направлении, что указывает на ближневосточную локализацию. Это подтвердилось последующими исследованиями проблемы происхождения греков [Grigoriev, 2021, 2022] и новыми работами палеогенетиков, сделавших

вывод о происхождении анатолийско-индоевропейских языков с Ближнего Востока. Правда, это допускает возможность вторичной ИЕ прародины в степях [Lazaridis et al., 2022]. К археологическим аргументам в пользу курганной гипотезы также были добавлены генетические, обосновавшие массовую миграцию ямников в начале РБВ из степей в Европу, которая и сформировала европейскую популяцию [Naak et al., 2015]. Однако эти выводы преувеличены, и этническое содержание этих процессов могло быть иным. Рассмотрению иных возможностей и посвящена эта статья.

Процессы культуругенеза в 3 тыс. до н. э.

Прежде чем приступить к обсуждению этнических процессов, необходимо остановиться на процессах культуругенеза. Более детально они обсуждаются в готовящихся к публикации статьях, к тому же здесь приводятся лишь наиболее общие и известные факты. В середине 5 тыс. до н. э. в Северном Причерноморье формируются неолитические группы (ранние среднестоговские или новоданиловские и скелянские), и вскоре они появляются в низовьях Дуная, где определяются как памятники типа Суворово-Новоданиловка. Эти племена не проникали глубоко в ареал балканских земледельческих культур и не оказали на них влияния. В культурном плане наблюдается обратный процесс, когда балканский металл и некоторые традиции проникают вплоть до хвалынской культуры Поволжья. Впоследствии

---

¹ В статье использованы аббревиатуры: РБВ — ранний бронзовый век, СБВ — средний бронзовый век, РЭ — раннеэладский период, КША — культура шаровидных амфор, КШК — культура шнуровой керамики, КВК — культура воронковидных кубков, ККК — культура колоколовидных кубков, ИЕ — индоевропейский, ПИЕ — пра-индоевропейский.

какие-либо импульсы в Европу из степи отсутствовали вплоть до последней трети 4 тыс. до н. э., когда в Северном Причерноморье появляется группа Животиловка-Волчанское с курганным погребальным обрядом, скорченными на боку захоронениями и половой дифференциацией обряда, когда мужские и женские погребения имеют разную ориентацию. Погребения этой группы появляются и в Карпато-Дунайском бассейне [Manzuga, 2016]. В кон. 4 — нач. 3 тыс. до н. э. В этот регион приходят ямные племена. Все вышеизложенное является общепринятыми фактами. Дискуссионным вопрос становится с появлением и распространением культур шнуровой керамики. Они возникают почти одновременно с появлением ямной культуры в Юго-Восточной Европе, и считается, что в их основе была ямная, что стало почти бесспорным с появлением работ по палеогенетике.

В действительности большинство исследователей указывало на то, что КШК имеет корни в местных традициях КВК и КША, а также в культурах баденского круга Подунавья. Даже «степные» черты несопоставимы с ямными (малые, а не большие курганы, отсутствие погребений по кругу как в ямной буджакской группе Причерноморья, погребения скорчены на боку, а не на спине, половая дифференциация и т. д.). Существуют и генетические различия (преобладание гаплогруппы R1a у мужчин КШК и R1b — у ямников). Популяции КШК и ямной культуры формировались на близкой энеолитической основе, но они не были напрямую связаны (Балановский, 2015. С. 303–309). Формирование КШК было связано с более ранним субстратом группы Животиловка-Волчанское и местного населения, а ямная миграция привела к их вытеснению из Подунавья, став триггером процесса. Через некоторое время в результате миграции ранних шнуровых культур на восток, в лесной зоне Поволжья и Прикамья формируются фатьяновская и балановская культуры.

Около середины 3 тыс. до н. э. на основе неолитических субстратов Европы в Иберии образуется культура колоколовидных кубков, которая распространяется по Атлантической Европе, а также в Центральную и ряд районов Северной Европы. Это местная европейская культура, которая распространялась не с востока на запад, а с юго-запада на север и северо-восток. Около кон. 3 тыс. до н. э. миграция носителей этой культуры привела к формированию средневожской абашевской культуры [Мимоход, 2022].

Этот наиболее общий контур культурных процессов позволяет приступить к обсуждению этногенеза этого времени.

Этнические процессы в Европе в рамках «курганной гипотезы»

Представления о распространении индоевропейцев из степи и связи с тремя волнами курганных культур сформулированы М. Гимбутас [Gimbutas, 1956] и быстро стали популярны. В детальном виде эта концепция изложена Д. Энтони и поддержана многими другими. Энтони соотносит проникновение комплекса Суворово-Новоданиловка на Балканы со стадией архаичного ПИЕ и рассматривает это как выделение пре-анатолийских языков [Anthony, 2007. Р. 251, 259–262]. Эта идея содержит два противоречия: 1) это проникновение было несущественным, и оно не оказало влияния на культурную ситуацию на Балканах; 2) анатолийские языки должны были формироваться в течение длительного времени в изоляции от остального ИЕ массива. Их специфика позволяет вывести их за рамки ИЕ и рассматривать как выделившиеся из более раннего прото-индо-хеттского языка [Kloekhorst, 2016. Р. 213, 229, 232]. Но эти энеолитические популяции сохраняли контакты с остальными степными группами вплоть до Волги.

Ямники на востоке, по мнению Энтони, стали основой выделения индоиранских языков. Их контакты с восточными шнуровиками, которые уже были индоевропейцами, приводят к выделению и распространению предков германцев, славян и балтов, а на Верхнем Днестре кельтов и италиков. В формировании германцев принимал участие также субстрат КВК, а балтов и славян — Триполья. Фатьяновская культура формируется из среднеднепровской и иных групп КШК и КША, и ее продвижение на восток, в район балтских гидронимов означает выделение балтов. Ямная культура Венгрии маркирует выделение пре-кельтского и пре-италийского, а контакт с ККК способствовал распространению кельтских языков на запад. Возникновение Абашево связывается с ямно-полтавкинским культурным блоком, а представления о формировании Синташты на основе Абашево и связь Синташты с индо-иранцами позволили предполагать индоиранскую принадлежность абашевцев [Carpelan, Parpola, 2001. Р. 63–67, 84–88, 93–95; Anthony, 2007. Р. 306, 344, 348, 360, 367, 380].

Интересно, что в этой теории мирно уживаются представления о том, что можно выстроить генетический ряд культур «Фатьяново — Абашево — Синташта — Андронов» с отнесением фатьяновцев к балтам, а абашевцев к индоиранцам [см. также Крайнов, 1987. С. 74; Nordqvist, Heyd, 2020. Р. 65, 82, 83]. При этом, фатьяново не связано с ямной культурой, абашево — с фатьяново,

синташта из абашево не формировалась, а термин «Андроновская культура» настолько сложен и противоречив, что специалистами, которые ее изучают, либо не употребляется, либо употребляется в ином контексте. Андроновская (федоровская) культура к синташте имеет малое отношение. Это можно обсуждать лишь для алакульской культуры. Кроме того, проникновение носителей андроновской культуры в Индию и Иран иллюзорно, и нет данных о том, что степное население Восточной Европы проникало в Анатолию [Grigoriev, 2021]. Впрочем, из этого вовсе не следует, что степные курганные культуры не были индоевропейскими, и что они не были ответственны за индоевропеизацию Европы. Это не означает и того, что, хотя бы в этой части, «курганный теория» права.

В соответствии с ней, именно проникновение ямников стало основой для последующего членения ИЕ языков. Но это проникновение оставило заметный след лишь в Паннонии, на культуругенез КШК оно почти не повлияло. Ни в одном случае идентификация какой-либо культуры с языком не подтверждена аргументами. Это делается на основе пространственного соотношения культур и более позднего присутствия языков в тех или иных ареалах. Но трудно поверить, что складывание этнической картины Европы завершилось в 3 тыс. до н. э. Сомнительна идея о том, что кельтские языки продвинулись на запад за счет контактов КШК и ККК в Центральной Европе. Это выглядит так, что носители ККК, говорившие на каких-то иных языках, продвинулись на восток и север, вошли в контакт с носителями КШК, переняли их язык и распространили его к Атлантическому побережью. В этнических процессах подобное исключено. Во всяком случае, такие высказывания требуют не декларирования, а обоснования.

Существуют проблемы и с хронологией диалектного членения. В частности, если диалектное членение языков европейской группы (очень различных, и не восходящих к одному корню) началось ок. 3000 г. до н. э., то формирование фатьяновской культуры происходит вскоре после этого. Это означает, что на выделение балтских диалектов ушло не более 200 лет, что невозможно. Связь Абашева с индо-иранцами представляется тоже сомнительной: 1) Абашево не играло заметной роли в синташтинском культуругенезе; 2) представления об индоиранской принадлежности синташты, хотя, возможно, и справедливые, базируются на сомнительной аргументации; 3) почти одновременное выделение индоиранских языков из ИЕ, как и всех остальных языков, со-

мнительно и не подтверждается глоттохронологией; 4) культуругенез Абашева связан с ККК, поэтому, в рамках этой теории, мы должны предполагать либо приход кельтов, либо приход каких-то до-ИЕ групп. Наконец, до начала деления на эти ветви должны были существовать промежуточные стадии, с делением на отдельные диалектные ареалы. Можно приводить еще много иных вопросов к этой схеме. Она целиком умозрительна и не связана ни с данными лингвистики, ни с данными археологии. На мой взгляд, проникновение индоевропейцев в Европу в это время было, но это необходимо обосновывать; и вовсе не обязательно это были предки балтов, славян или кельтов.

Древние языковые слои в Европе

По мнению К. Рэнфрю [Renfrew, 1987] приход малоазиатских групп в начале неолита был связан с распространением ИЕ. Однако на Ближнем Востоке ИЕ прародина локализуется не в Малой Азии, а в Верхней Месопотамии [Gamkrelidze, Ivanov, 1995; Grigoriev, 2002. P. 320—325]. В Малой Азии в историческое время проживало население, говорившее на северокавказских языках (хатты и хурриты), и отсюда они мигрировали на Северный Кавказ [Nichols, 2019. P. 153, 154]. Вероятно отнесение к этим языкам этрусского, что соответствует античным представлениям о малоазиатской прародине этрусков (Иванов, 1988). Северокавказские языки начали выделяться в конце 6 — начале 5 тыс. до н. э. [Старостин, 1988. С. 154], соответственно, миграция в Европу привела к распространению языков более раннего состояния. Это подтверждается и палеогенетическими данными. Неолитизация Европы связана с носителями генов анатолийских земледельцев, а миграции в степь осуществляло население с генами родственных групп кавказских охотников и иранских земледельцев. Распределение этих генов позволило предположить связь первых с хаттским, а вторых — с индо-анатолийскими языками [Lazaridis et al., 2022].

Северокавказские языки вместе с енисейскими Средней Сибири, языками басков Иберии и индейцев На-Дене в Северной Америке образуют группу дене-кавказских языков [Старостин, 1982; Bengtson, 2004]. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов предполагали, что язык, близкий языку басков, ранее был распространен в Атлантической Европе, и был связан со строителями мегалитов. Предполагается также, что неолитическое население Европы говорило на языках, близких северокавказским или шумерскому [Gamkrelidze, Ivanov, 1995. P. 846; Schrijver, 2018. P. 360, 361].

Косвенно это подтверждается тем, что мегалиты известны лишь в районах, где реконструируется присутствие языков дене-кавказской семьи, и не исключено, что языки древнего населения Сардинии и пиктов относились к этой группе [Grigoriev, Vasina, 2019. P. 197—199].

В Греции, Юго-западной Анатолии, Македонии, Фракии и части Венгрии по топонимам с окончаниями *-ss-*, *-nth-* и *-nd-* был выделен догреческий анатолийский субстрат, вероятно, лувийский [Palmer, 1958]. Затем в Греции были выявлены три последовательных языковых слоя: 1) доиндоевропейский; 2) лувийский; 3) греческий (Гиндин, 1967. С. 82, 94, 165—170). Лувийский субстрат связан с населением, пришедшим с севера Балкан в начале РБВ, одновременно с появлением носителей анатолийских диалектов в Малой Азии [Grigoriev, 2022. P. 11, 12]. Соответственно, это дополнительный аргумент в пользу того, что население Европы в раннем неолите не говорило на ИЕ языках, но на северо-востоке Балкан обособились анатолийские диалекты. Длительное существование в изоляции от остального ИЕ массива в Анатолии обусловило их специфику. Первое их появление на Балканах отражается археологическими источниками. Если большая часть неолитических культур Европы связана с миграциями из Малой Азии, в Болгарии зафиксированы импульсы с чертами культур более восточных ареалов Анатолии и Месопотамии, где я склонен размещать ИЕ прародину [Grigoriev, 2002. P. 326—328]. И Балканы — единственный регион в Европе, где, помимо генов анатолийских земледельцев, выявлена примесь кавказско-иранских генов [Lazaridis et al., 2022]. Последующая миграция носителей этих диалектов в Анатолию и Грецию в начале РБВ была спровоцирована ямной миграцией на Северные Балканы. Тем самым носители анатолийских диалектов находились в изоляции от ПИЕ массива не менее 2000 лет, что обеспечило их архаизм и особое положение по отношению к ИЕ языкам.

Наличие до-ИЕ субстрата подтверждается гидронимией Европы. Ранее считалось, что в Европе нет до-ИЕ названий рек, все связаны с ранними ИЕ диалектами (Krahe, 1964), что могло служить доказательством правоты Рэнфрю. Впоследствии было показано, что эти названия имели сходство с языками басков, но они были трансформированы ИЕ диалектами [Vennemann, 1994. P. 263, 264]. Связь формирования мегалитического комплекса Урала с европейскими мегалитами позволила реконструировать миграцию на восток носителей пра-енисейских диалектов, относящихся, как и баскский, к той же дене-кавказской семье [Grigoriev, Vasina, 2019. P. 197—199].

В балто-славяно-германских языках отсутствуют собственные термины для моря, морского побережья и жизни на морском берегу, что означает, что их носители длительное время жили в континентальных условиях. Многие морские термины в германских, балтских и прибалтийских финно-угорских языках восходят к единой не-ИЕ и не финно-угорской основе. Часть терминов имеет ИЕ происхождение, но заимствована из более раннего не-ИЕ источника [Sausverde, 1996]. В Скандинавии и Северной Германии на основании топонимики выделено три последовательных языковых слоя: не-ИЕ, догерманский ИЕ и протогерманский [Witzak, 1996; Ostmo, 1996. P. 33]. Это позволило предположить, что именно второй слой связан со шнуровыми культурами [Grigoriev, 2002. P. 272]. Не исключено, что трансформация до-ИЕ гидронимии носителями раннего ИЕ [Vennemann, 1994] связана именно с распространением КШК. Соответственно, неолитическое население Европы говорило не на ИЕ языках, и, хотя бы часть из них, относилась к языкам дене-кавказской семьи. Но более точные данные о том, носители какого ИЕ языка трансформировали дене-кавказскую гидронимию Европы, ограничены. Лингвисты первой половины 20 в. предполагали, что эта гидронимия имеет иллирийские черты, но более корректно называть ее «индоевропейской» [Katičić, 1976. P. 177].

Исходя из сказанного, наиболее вероятно, что в неолите население Европы говорило на дене-кавказских языках, и не исключено, что носители ККК тоже. На севере Балкан в неолите и энеолите проживали племена, говорившие на языках анатолийской ветви ИЕ семьи. Носители КШК, и, соответственно, население Северного Причерноморья в энеолите и РБВ были ИЕ. И эти выводы пока не слишком расходятся с традиционными представлениями.

Проблема языковых связей

фатьяновского и абашевского населения

В случае с фатьяновско-балановскими и абашевскими миграциями сложно судить о том, какой язык в итоге появился в Восточной Европе. Связь первой группы с традициями КШК, а второй — с ККК позволяет предполагать, что первые были носителями каких-то ИЕ диалектов, а вторые — дене-кавказских. Миграция носителей дене-кавказских языков на восток доказывается присутствием в Сибири енисейских языков. Мы обосновывали связь этого с проникновением в Зауралье энеолитического мегалитического комплекса, и указывали на наличие енисейских гидронимов в Волго-Камье, хотя мегалитический

комплекс там отсутствует [Grigoriev, Vasina, 2019. Р. 199]. Но сходная гидронимия не обязательно связана с одним процессом. Кроме того, гидронимия, которую можно сопоставить с енисейской, распространена в Восточной Европе шире. Она связана с малыми реками и ручьями, и охватывает огромный регион: эпизодически от районов к востоку от Чудского озера до районов к юго-востоку от Ладоги, а от бассейна р. Москвы довольно плотно по всему Волго-Камскому региону до Башкирского Приуралья. Единичные гидронимы известны в бассейне Битюга на Дону [Куклин, 2001. С. 10, 13, 14]. Основной массив этой гидронимии между бассейнами Москвы и Камы приходится на районы, где это можно объяснить, как фатьяновско-балановским, так и абашевским присутствием; но западнее — только фатьяновским, а в Башкирии и на Дону — только абашевским (рис. 1). Этому возможны два объяснения, верифицировать которые пока невозможно: 1) это распределение отражает оба процесса, в том числе какие-то иные процессы; например, в Восточной

Европе есть некоторые параллели керамике КВК [см. Grigoriev, Vasina, 2019. Р. 191—193]; 2) носители как фатьяновско-балановской, так и абашевской культур говорили на диалектах, близких пра-енисейским, поскольку керамические типы не всегда строго связаны с языком. Как видно на примере Греции, даже на маленькой территории процессы этногенеза идут долго, несмотря на сходные культурные стереотипы [Grigoriev, 2022]. Однако присутствие пра-енисейской гидронимии в Волго-Камье и Башкирии, связь абашево с ККК, формирование традиции ККК на базе неолитических традиций Европы, позволяет допускать, что абашевцы говорили на языке дене-кавказской семьи. Для фатьяновцев это тоже вероятно, так как эти гидронимы присутствуют и в фатьяновском ареале, где абашевских памятников нет. К моменту фатьяновской миграции на восток, индоевропейцы могли не успеть ассимилировать прежний субстрат. Распространение культурных черт шло быстрее, чем языка, и невероятно, чтобы балтские языки выделились в столь раннее время.

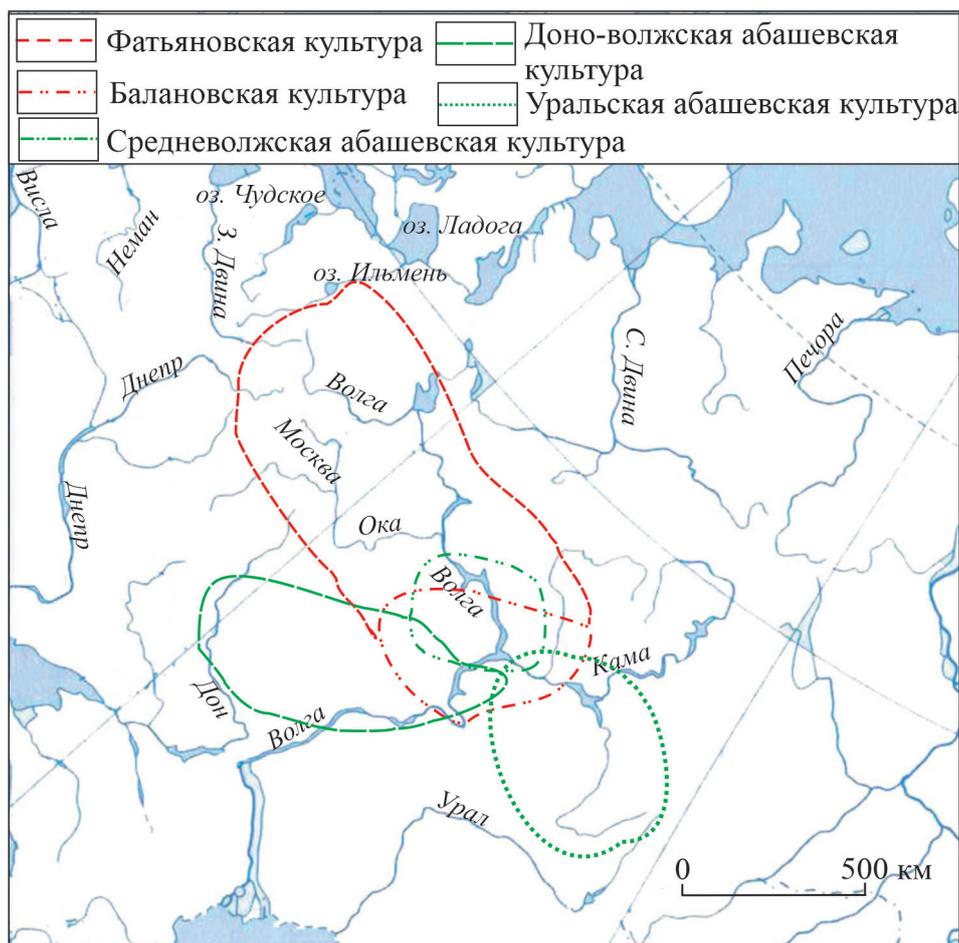

Рис. 1. Ареалы фатьяновской, балановской и абашевской культур

Рис. 2. Славянские и балтские культуры Восточной Европы в конце раннего железного века — начале Средних Веков.

Существует также предложение связывать с фатьяновской культурой так называемые гидронимы древнеевропейского типа псковско-новгородских земель. За редким исключением они локализируются между Чудским и Ильменским озерами (Васильев, 2004), то есть к западу от фатьяновского ареала. Встает вопрос об их единстве и о возможности связать часть их с балтами (кроме того, см. выше о связи «древнеевропейской» гидронимии с дене-кавказскими языками). Проблема требует, вероятно, детальных исследований и какого-то консенсуса между лингвистами.

Генетические исследования позволяют констатировать близость балтов и финно-угров. Объясняется это тем, что балты проживали ранее на больших пространствах Восточной Европы, контактируя с финно-уграми. При этом не исключено, что балты ассимилировали в Прибалтике какой-то финно-угорский субстрат [Балановский, 2015. С. 167, 207]. Прародина уральских языков, в который входят финно-угорские, располагалась к востоку от Урала [Напольских, 1997. С. 162, 163; Häkkinen, 2012. P. 95]. Распад прото-ураль-

ского, по мнению большинства лингвистов, произошёл между 4000 и 3000 гг. до н. э. [Parpola, 2012. P. 144].

Выше мы упоминали, что часть терминов, связанных с жизнью у моря, заимствована в германские, балтские и финно-угорские языки Прибалтики из какого-то единого не-ИЕ языка, а часть из раннего ИЕ источника. Балтские гидронимы в лесной зоне Восточной Европы, действительно, широко представлены, но распространение балтов могло быть связано с более поздними событиями. Этой проблеме посвящена обширная литература и решение ее намечено.

В кон. 4—5 в. н. э. в лесной зоне Восточной Европы (Верхнее Поднепровье и Западная Двина) в большом количестве появляются провинциалноримские изделия средневропейского происхождения, новые типы серпов, жернова, В-образные рифленые пряжки, рожь и овес, что объясняется миграциями из бассейна Средней Вислы. Предполагается, что до этого в РЖВ тут жили балты, представленные памятниками днепро-двинской культуры, и эти миграции связаны

с западными балтами и славянами. В результате, местные культуры были ассимилированы и формируются колочинская, тушемлинско-банцеровская культуры, и мощинская культура в бассейне Оки, имевшая в качестве местной основы верхнеокскую культуру. Некоторые украшения в 11—13 вв. встречаются у славян-кривичей, но известны и у литовцев, что объясняется определенным родством кривичей и литовцев. К северо-востоку, в районе Ильменского озера, проживали финно-угры. В западной части северной границей балтов-латгалов в кон. 1 — нач. 2 тыс. н. э. была современная граница с Эстонией, и к этому времени они занимали уже территории современных Литвы и Латвии. Южной границей балтов были Припять и Сейм, где они граничили со славянами. Инфильтрация славян на эти территории начинается в 6 в. Подобная интерпретация подтверждается гидронимией региона [Седов, 1982. С. 29, 34, 39, 43, 44; 1987. С. 361—375; 2001. С. 81—85].

В этих исследованиях к балтским относят гидронимы с финалями -ва, -да. Но последние сомнительны, а часть гидронимов на -ва, скорее, славянская. Поэтому балтские гидронимы локализируются от Восточной Прибалтики до Верхнего Днепра, в ареалах культуры штрихованной керамики, днепро-двинской, юхновской и позднедьяковской культур раннего железного века. Отнесение к этим гидронимам ареала мощинской культуры бассейна Оки менее достоверно (рис. 2) [Гусенков, 2021]. Восточнее эти гидронимы не известны, поэтому их ареал не соответствует ареалу фатьяновско-балановских памятников. Исходя из сказанного, можно заключить, что фатьяновцы не были носителями балтских или балто-славянских диалектов. Последние проникают в Восточную Европу в эпоху Великого переселения народов.

Это подтверждается и обращением к проблеме происхождения славян и венетов.

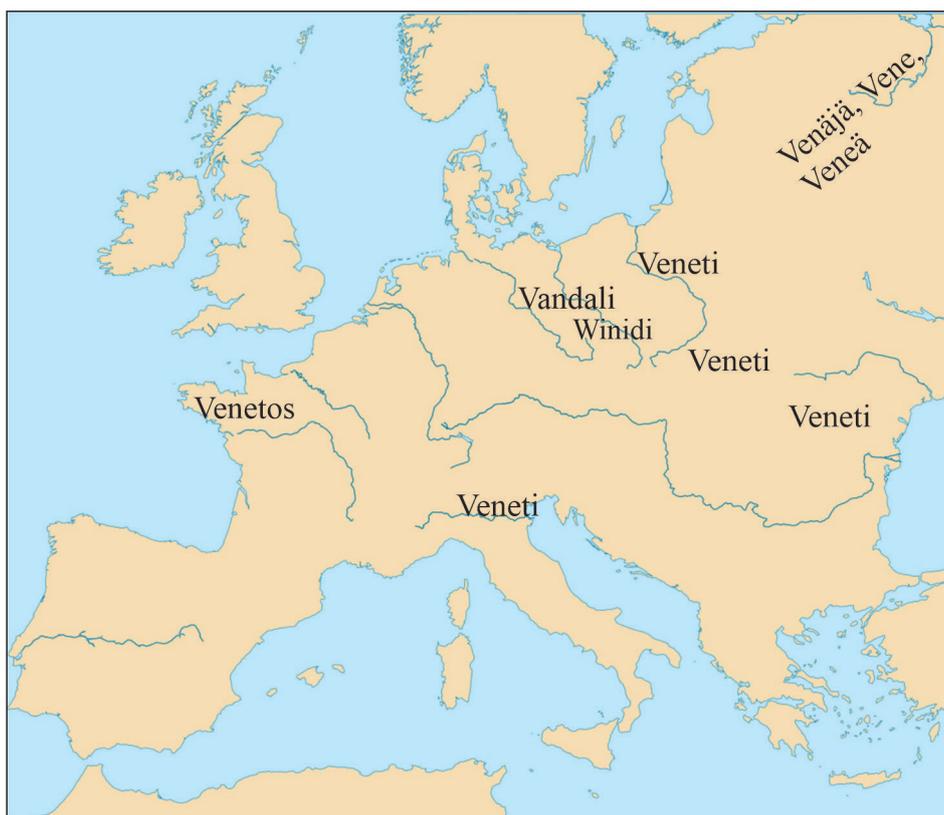

Рис. 3. Ареалы распространения этнонима «венеты».

Восточные славяне по Повести временных лет пришли с Дуная. По культурным признакам и на основании преемственности с последующими славянскими культурами в 5—7 вв. выделяется три группировки славян, не имеющие прямого отношения к трем последующим языковым группам: 1) пражско-корчакская (от Эльбы до Припятского Полесья, включая верхнее и среднее течение Вис-

лы и Одера); 2) пражско-пеньковская (лесостепь между Днестром и Дунаем, средний и нижний Дунай, Балканы); 3) северо-западный ареал с керамикой суковского и дзедзицкого типов между средним Одером и Вислой). Первая из них имеет корни в пшеворской культуре южной половины Польши и Западной Украины (рис. 2) [Седов, 1982. С. 5, 10, 19, 28].

Традиционно прародину славян помещают к северу от Карпат: от Вислы (или Одера) до среднего Днепра, включая Березину и Десну, а на юге Волынь и Подолию, хотя существует много дискуссий по уточнению границ и по связи с конкретными культурами [Godłowski, 1979; Русанова, 1993. С. 6—9]. На территории Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э. славяне занимали территорию между средним Днестром, Днестром и Бугом, где располагались зарубинецкая, киевская, отчасти пшеворская культуры [Русанова, 1993. С. 12].

Существует иная точка зрения, предполагающая локализацию славян и балтов в первой половине I тыс. н. э. в лесной и отчасти лесостепной зоне Восточной Европы, между Западным Бугом и Днестром на западе и верховьями Оки — на востоке. Границей их проживания на севере были верховья Ловати и Западной Двины. Это основано на сведениях римских авторов, Тацита (23/24—79 гг.), Плиния Старшего (ок. 55—120 гг.), Клавдия Птолемея (ум. ок. 179 г.) и Иордана (6 в.) о расселении венетов, под которыми понимаются славяне. Какие-то группы венетов жили и у Балтийского моря к востоку от Вислы (рис. 3). Из этого района они в конце 5 — первой трети 6 в. расселяются в Восточном Прикарпатье и по левобережью нижнего Дуная, что и создало историческую память об их переселении оттуда в русских и польских хрониках. Предполагается, что балто-славяне жили в Восточной Европе уже в нач. I тыс. до н. э., это восходит еще к периоду КШК [Мачинский, 1989]. Д. Н. Козак под венетами-славянами понимал пшеворскую культуру 2 в. до н. э. — нач. 5 в. н. э., расположенную в южной половине Польши, откуда в западную Украину эта культура проникает в сложившемся виде [Козак, 1993. С. 53, 63]. Позже он связал венетов Тацита с зубрицкой и черняховской культурами, а пшеворскую с германцами [Козак: 2008. С. 12, 42].

Обращает на себя внимание изменение локализации венетов: у Плиния Старшего и Клавдия Птолемея они проживают к востоку от Вислы по всему Венедскому заливу, а по Иордану, обширные районы венетов распространяются на север от Карпат и истоков Вислы. Римская дорожная карта кон. 3 — нач. 4 в. (Певтингеровы таблицы) помещает венетов в двух местах: к северо-западу от бастарнов и рядом с гетами и даками, т. е. между Дунаем и Днестром, что может отражать продвижение славян на юг. Однако в римских источниках венеты и славяне упоминаются вместе, как отдельные народы, хотя Иордан и предполагает их происхождение от одного корня, наряду с антами, а Прокопий Кесарийский пишет, что они го-

ворили на одном варварском языке [Gvozdanović, 2012. Р. 38]. При этом допускается, что термин «венеты» перенесен от более древнего названия, возможно, кельтско-иллирийского народа (Русанова: 1993. С. 13). В меровингских хрониках сер. 7 в., составленных Фредегарием Схоластиком, неоднократно упоминаются виниди, а ок. 623 г. есть три упоминания славян, дважды объясненных как «Sclavi cognomento Winidi» (Славяне по прозвищу Виниди). Но никогда нет упоминания «Winidi cognomento Sclavi», что указывает на разницу между ними [Gvozdanović, 2012. Р. 38].

Таким образом, письменные источники согласуются с археологическими и позволяют поместить прародину славян в бассейне Вислы, в ареале пшеворской культуры, откуда они в эпоху Великого переселения народов продвигаются на юг и юго-восток, т. е. одновременно с продвижением балтов в северные районы. Поскольку эта культура формировалась в ареале и на основе поморской культуры (7—3 вв. до н. э.), занимавшей весь бассейн Вислы и доходившей до среднего Одера, что соответствует и наиболее ранним локализациям венетов, не исключено, что в этом ареале проходил этногенез славян и балтов.

Но следует обратить внимание на то, что термин «венеты» — «блуждающий». Финны, эстонцы и карелы им обозначают Россию (соответственно: Venäjä, Vene и Veneä). В средневековой Германии термин Winidi связан со славянами. Но вандалы — германское племя, вышедшее из восточных областей, прилегавших к славянскому ареалу. А римляне, начиная с Цезаря и до 5 в. н. э. знали галльское племя Venetos в Бретани. Поэтому термин не является маркером какого-то конкретного народа (показательная ситуация: бритты, бретонцы и британцы, а также франки и французы) и мог действительно восходить к какому-то древнему народу Северной Европы.

Наиболее ранняя фиксация этого термина связана с венетами северо-восточной Италии, давших имя Венеции. Там в 200 коротких надписях, относимых к 900—182 гг. до н. э., зафиксирован венетский язык. Ранние из них написаны с использованием северо-этрусского алфавита, а поздние — латинского. Данные эти скудны, очевидно, что это ИЕ язык, и предполагается его родство с иллирийским, хотя не все это поддерживают. Реконструируются связи с кельтскими и италийскими языками и ограниченные — с германскими и славянскими, но ясности по отнесению его к какой-то группе нет [Mallory, Adams, 1997. Р. 620, 621; Wallace, 2004; Gvozdanović, 2012. Р. 34—37].

Данных по восточноевропейскому и армориканскому венетскому нет, однако возможны их

реконструкции на основе фонологических инноваций в славянских языках и в ваннском (Vannetais) диалекте бретонского, который занимает особую позицию среди кельтских языков. Эти инновации сходные и они имеют черты венетского северо-восточной Италии. Более выражены эти черты в словенском языке, который сформировался в соседнем районе на северо-западе Балкан. Предполагается, что эти инновации во всех трех регионах были переданы ок. сер. I тыс. до н. э. из языка, наиболее сопоставимого с адриатическим венетским [Gvozdanović, 2012. P. 42—45]. На мой взгляд, это указывает на два обстоятельства: 1) существование огромного родственного субстрата¹ и 2) доживание анклавов этого субстрата до середины I тыс. н. э., что указывает на низкую скорость языковой ассимиляции.

В этом регионе низовий По во время, синхронное началу РЭ III в Греции, формируется культура Полада. Ее формирование было связано с миграциями из Подунавья, и впоследствии культурная традиция там развивалась на этой основе. Это движение было вызвано приходом в регион фракийцев, что привело также к смещению из этого же региона иллирийцев на юг, вплоть до Западной Греции, и близких по языку месавов в Апулию. Это проявилось в появлении материалов культуры Цетина с северо-запада Балкан [Katičić, 1976. P. 132—146, 154—157, 163, 166, 175, 184—187; Wilkes, 1992. P. 68—80, 87, 183; Mallory, Adams, 1997. P. 288; Maran, 1998. P. 315, 325—327; Sestieri, 2010. P. 21, 47; Grigoriev, 2022. P. 16].

Таким образом, венеты, иллирийцы и месавы ок. 2200—2150 г. до н. э. мигрируют из районов Среднего Подунавья, которые в предшествующее время подверглись активному освоению степными группами. Помимо этого, венеты присутствуют в более позднее время в ареалах культур шнуровой керамики, а некоторые европейские гидронимы имеют иллирийские черты. Кроме того, венеты и иллирийцы были соседями, и, по мнению некоторых лингвистов, их языки родственны.

¹ Автор этого исследования полагает, что венетский был особой группой континентальных кельтских языков [Gvozdanović, 2012. P. 37, 44, 45], но среди лингвистов согласия по этому вопросу нет. С точки зрения исторической модели мне сложно представить особую кельтскую группу, которая существовала столь долго, несмотря на кельтские миграции, и в разных ареалах способствовала существенным инновациям в разных языках. Эта картина указывает, скорее, на какой-то ранний субстрат. Исходя из обсуждаемой здесь археологической модели, более вероятна близость венетского с иллирийским. Если бы этот язык был кельтским, мы должны были бы ожидать сходные инновации не только в славянских, но и в южно-немецких диалектах.

Можно предположить, что в кон. 4 — нач. 3 тыс. до н. э. степные племена, пришедшие в Подунавье, говорили на языках венето-иллирийской группы, и их дезинтеграция на венетские и иллирийские происходила уже там. Однако этот вопрос может быть решен только лингвистами. Какие-то диалекты этой группы были распространены и в ареале КШК. Вероятно, ассимиляция прежнего населения была медленной, и не всегда смена культуры означает смену языка. Относительно фатьяновцев и абашевцев таких данных нет. Более того, есть основания подозревать, что они сохранили язык прежнего неолитического населения². Р. А. Мимоход [2022. С. 138, 139] полагает, что, поскольку абашевская миграция, как и фатьяновская, началась в Центральной Европе, и абашевцы ассимилировали часть фатьяновско-балановского населения, эта миграция проходила в родственной среде. Однако из сказанного не следует, что в Центральной Европе языковая среда оставалась неизменной, так как обсуждавшееся распространение сходных гидронимов в фатьяновском и абашевском ареалах может быть обусловлено разными процессами. Фатьяновская миграция началась вскоре после формирования КШК, и, несмотря на смену культурных стереотипов, языковая ассимиляция могла произойти далеко не везде. Не исключено, что какие-то группы, сохранявшие прежний язык, вытеснялись в другие регионы. Но к абашевскому времени ситуация в Центральной Европе изменилась, и в большей части ареала КШК доминировали ИЕ диалекты. Языковой компонент, восходящий к неолиту (вероятно, дене-кавказский), мог быть привнесен в Центральную Европу населением с традициями ККК.

В результате этих процессов Северная, Центральная и Юго-Восточная Европа оказалась заселены племенами, говорившими на ИЕ диалектах. Процесс их распространения занял более 1000 лет. В генетическом плане они были предками более позднего европейского населения: балтов, славян, германцев, кельтов и италиков. Однако эти языки не могли сформироваться из венетского или иллирийского, и появление их связано с событиями первой половины 2 тыс. до н. э. После этого, вероятно, дальнейшее диалектное членение и формирование известных в историческое время европейских языков тоже заняло

² Должен указать на противоречие: обозначение русских терминами, восходящими к «венети», в прибалтийских финских и карельском языках. Это может указывать на то, что фатьяновцы все же привнесли ИЕ язык, но вероятно и то, что этот термин привнесен в регион позже.

продолжительное время. Но наличие в Европе предшествующего ИЕ массива облегчило этот процесс. С другой стороны, новые миграции с востока способствовали нарастанию генетического сходства [Grigoriev, 2002; 2021. P. 217, 218].

Заключение

Обсуждаемые процессы европейского этногенеза начались с проникновения малоазийских популяций в начале неолита. Основная их масса происходила из Малой Азии и была носителями языков дене-кавказской семьи; после этого оставшаяся в Малой Азии часть этих языков эволюционировала в пра-северокавказские. В Европе представителями этого населения являются баски и этруски, но если первые могут быть потомками первой волны, то вторые пришли из Малой Азии позже. В неолитизации северо-востока Балканского полуострова приняли участие и восточные группы из Верхней Месопотамии, благодаря чему на территории современной Болгарии происходит обособление анатолийских диалектов (предков хеттского, лувийского и палайского языков). Затем они распространяются до Македонии и части Венгрии, на что указывает ареал анатолийских топонимов. Не исключено, что в период первого проникновения энеолитических курганных культур в этот регион, этот анатолийский субстрат был представлен культурами Эзеро и Коцофени, а возможно, и какими-то иными. Родственность языка облегчила формирование здесь пра-венетского и пра-иллирийского населения. В свою очередь, его распространение в иные районы Европы создало тот субстрат, на который наложились поздние европейские диалекты. Тем самым, несмотря на трудности в распространении языков, в случае с Европой это облегчалось тем, что произошло несколько последовательных наслоений ИЕ языков на более ранний субстрат, что и обеспечило этот процесс.

В пределах энеолита, особенно в его поздней части, на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье на местный субстрат накладываются волны пришельцев с юга, носителей кавказско-иранских и анатолийских генов, а также прото-венетского и прото-иллирийского языков. В результате на Кавказе формируется майкопская культура (язык носителей которой не ясен, но, скорее, ИЕ), а также ряд позднеэнеолитических курганных культур. В последней четверти 4 тыс. до н. э. их носители проникают на Северные Балканы и в Среднее Подунавье, и наблюдается процесс культурных трансформаций, что отражает, вероятно, и языковые ассимиляции. Результатом этого стало формирование широкой зоны посто-

янного взаимодействия от Северного Кавказа до Центральной Европы и Северных Балкан. Около 3000 г. до н. э. происходит консолидация позднеэнеолитических групп Понто-Каспийских степей с формированием ямной КИО. Дополнительные притоки с юга в этом случае не исключены, но требуют не только генетических, но и археологических обоснований. Происходит новое, более массовое проникновение степного населения в Балкано-Карпаты, которое вызвало смещение прежнего населения (потомков местных и степных энеолитических племен) на север и начало формирования шнуровых культур Центральной и Северной Европы. Это привело к значительному распространению ранних ИЕ диалектов. Процесс усиливался тем, что сохранялось постоянное взаимодействие с исходным ареалом, которое обеспечивало притоки новых людей. Это была распространенная схема этногенеза в древности, так как что-то подобное мы наблюдаем в РЭ II, III в Греции. Однако процесс этот, как и в Греции, был медленным. Во-всяком случае, миграция носителей фатьяновской культуры из шнурового ареала, вероятно, отражает приход людей, говоривших на старых диалектах неолитической Европы. Поэтому у нас нет гарантии, что носители традиций КШК во всех ареалах говорили на ИЕ языках. Вторым последствием степного проникновения на север Балкан стало вытеснение оттуда носителей анатолийских диалектов в Малую Азию и Грецию.

После середины 3 тыс. до н. э. в Центральную Европу проникают носители традиций ККК, говорившие на языках неолитической Европы. Эти группы сосуществуют с основным массивом носителей традиций КШК, но местами они могли изменить языковую ситуацию. Во всяком случае, абашевское население, мигрировавшее после этого из Центральной Европы и унаследовавшее преимущественно культурные традиции ККК, говорило, вероятно, на прежних языках дене-кавказской семьи, в то время как носители бабинской культуры, близкой пост-шнуровым традициям, могли быть индоевропейцами, но оснований обсуждать эту проблему у нас нет. Эти две последние миграции были обусловлены проникновением из Анатолии фракийцев, вытеснивших часть населения с юго-востока Центральной Европы. Иная ситуация, возможно, была на Британских островах, где с появлением ККК меняется население, но там тоже известна ранняя ИЕ гидронимия. Поэтому не исключено, что сюда пришло население с Нижнего Рейна, подвергшееся культурной, но не языковой ассимиляции. Но подобные выводы на уровне отдельных регионов уже довольно

трудны, поскольку распространение культуры не вполне отражает распространение языка, и оно происходит намного быстрее, чем языковая ассимиляция. Последняя проходила чрезвычайно медленно, и анклавы прежних языков могли сохраняться сотни и тысячи лет. К тому же не ис-

ключено, что это имело место далеко не везде и не во всех случаях. Поэтому приведенные здесь наиболее общие наблюдения не могут быть приложены к любому региону Европы. Реконструкция реальной ситуации требует более длительных и сложных исследований.

Список литературы

1. Балановский, О. П. Генофонд Европы / О. П. Балановский. — Москва : КМК, 2015. — 354 с.
2. Васильев, В. Л. Древнеевропейская гидронимия новгородско-псковских земель / В. Л. Васильев // Русистика. — 2004. — № 1. — С. 159—173.
3. Гиндин, Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова / Л. А. Гиндин. — Москва : Наука, 1967. — 207 с.
4. Гусенков, П. А. Еще раз о гидронимии «западнобалтийского» типа в средней полосе России / П. А. Гусенков // Вопросы ономастики. — 2021. — Т. 18. — № 2. — С. 67—87.
5. Иванов, В. В. Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток: этнокультурные связи / В. В. Иванов ; ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Г. Ардзинба. — Москва : Наука, 1988. — С. 215—216.
6. Козак, Д. Н. Пшеворская культура / Д. Н. Козак // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. ; ред. И. П. Рusanова, Э. А. Сыманович. — Москва : Наука, 1993. — С. 53—66.
7. Козак, Д. Н. Венеди. Киев: Институт Археології НАН України, 2008 / Д. Н. Козак. — 470 с.
8. Крайнов, Д. А. Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Д. А. Крайнов ; ред. О. Н. Бадер и др. — Москва : Наука, 1987. — С. 58—76.
9. Куклин, А. Н. Гидронимикон Волго-Камья на -са, -за / А. Н. Куклин // *Linguistica Uralica*. — 2001. — Т. XXXVII. — № 1. — С. 10—22.
10. Мачинский, Д. А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. — XI в. н. э. (контуры концепции) / Д. А. Мачинский //; ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. — Ленинград : ЛГУ, 1989. — С. 120—130.
11. Мимоход, Р. А. Средневожская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету / Р. А. Мимоход // Археология евразийских степей. — 2022. — № 2. — С. 122—150.
12. Напольских, В. В. Введение в историческую уралоистику / В. В. Напольских. — Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы, 1997. — 268 с.
13. Рusanова, И. П. Введение / И. П. Рusanова // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. ; ред. И. П. Рusanова, Э. А. Сыманович. — Москва : Наука, 1993. — С. 5—18.
14. Седов, В. В. Археология СССР. Восточные славяне в VII—XIII вв. / В. В. Седов. — Москва : Наука, 1982. — 328 с.
15. Седов, В. В. Балты / В. В. Седов // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья ; ред. В. В. Седов. — Москва : Наука, 1987. — С. 353—419.
16. Седов, В. В. Литва и кривичи / В. В. Седов // *Lietuvos Archeologija*. — 2001. — Т. 21. — Р. 81—88.
17. Старостин, С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков / С. А. Старостин // Кетский сборник. — Ленинград : Наука, 1982. — С. 144—238.
18. Старостин, С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы / С. А. Старостин // Ближний Восток: этнокультурные связи. — Москва : Наука, 1988. — С. 112—164.
19. Anthony, D. W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world / D. W. Anthony. — Princeton : University press, 2007. — 568 p.
20. Bengtson, J. D. Some features of Dene-Caucasian phonology (with special reference to Basque) / J. D. Bengtson // *Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain (CILL)*. — 2004. — № 30.4. — P. 33—54.
21. Carpelan Ch., Emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in archaeological perspective / Ch. Carpelan, A. Parpola // Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations ; eds. Ch. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 2001. P. 55—150.
22. Gamkrelidze, T. V. Indo-European and the Indo-Europeans: A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and Proto-Culture / T. V. Gamkrelidze, V. V. Ivanov. — Berlin : De Gruyter Mouton, 1995. 1274 p.

23. Gimbutas, M. The prehistory of Eastern Europe. Mesolithic, neolithic and copper age cultures in Russia and the Baltic area. American school of prehistoric researches / M. Gimbutas // Harvard University Bulletin. № 20. — Cambridge : Peabody Museum, 1956. — 241 p.
24. Grigoriev, S. A. Ancient Indo-Europeans / S. A. Grigoriev. — Chelyabinsk : Rifei, 2002. 496 p.
25. Grigoriev, S. Archeology, language and genes: the Indo-European perspective / S. Grigoriev // Journal of Indo-European studies. — 2021. — № 1 & 2. — P. 187—230.
26. Grigoriev, S. Origins of the Greeks and Greek dialects / S. Grigoriev // Journal of ancient history and archaeology. — 2022. — № 1. — P. 546.
27. Grigoriev, S. Megaliths of the Vera Island in the Southern Urals / S. Grigoriev, Yu. Vasina. — Oxford : Archaeopress, 2019. — 296 p.
28. Gvozdanović, J. On the linguistic classification of Venetic / J. Gvozdanović // Journal of Language Relationship. — 2012. — № 7. — P. 33—46.
29. Haak, W. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe / W. Haak et al. // Nature. — 2015. — № 522 (7555). — P. 207—211.
30. Häkkinen, J. Early contacts between Uralic and Yukaghir. Per Urales ad Orientem / J. Häkkinen // Iter polyphonicum multilingue Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. — 2012. — № 264. — P. 91—101.
31. Katičić, R. Ancient Languages of the Balkans / R. Katičić. — The Hague, Paris : De Gruyter Mouton, 1976. — 215 p.
32. Kloekhorst, A. The Anatolian stop system and the Indo-Hittite hypothesis / A. Kloekhorst // Indogermanische Forschungen. — 2016. — № 121 (1). — P. 213—247.
33. Krahe, H. Unsere ältesten Flussnamen / H. Krahe. Wiesbaden : Harrassowitz, 1964. — 123 p.
34. Lazaridis, I. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe / I. Lazaridis et al. // Science. — 2022. — № 377. — DOI: 10.1126/science.abm4247.
35. Encyclopedia of Indo-European Culture / ed. by J. P. Mallory, D. Q. Adams. — London : Routledge, 1997. — 875 p.
36. Manzura, I. V. North Pontic steppes at the end of the 4th millenium BC: the epoch of broken borders / I. V. Manzura // Man, Culture and Society from the Copper Age until the Early Iron Age in Northern Eurasia. Contributions in honour of the 60th anniversary of Eugen Sava. Tyragetia International. — 2016. — № 1. P. 149—171.
37. Maran, J. Kulturwandel auf dem griechischen Festland und den Kykladen im späten 3. Jahrtausend v. Chr.: Studien zu den kulturellen Verhältnissen in Südosteuropa und dem zentralen sowie östlichen Mittelmeerraum in der späten Kupfer- und frühen Bronzezeit / J. Maran. — Bonn : Habelt, 1998. 574 p.
38. Nichols, J. Comments on Allan Bomhard, “The Origins of Proto-Indo-European: The Caucasian Substrate Hypothesis” / J. Nichols // Journal of Indo-European Studies. — 2019. — № 47 (1 & 2). — P. 149—156.
39. Nordqvist, K. The forgotten child of the wider Corded Ware family: Russian Fatyanovo Culture in context / K. Nordqvist, V. Heyd // Proceedings of the Prehistoric Society. — 2020. — № 86. — P. 65—93.
40. Ostmo, E. The Indo-European question in a Norwegian perspective: a view from the wrong end of the stick? / E. Ostmo // The Indo-Europeanization of Northern Europe ; eds. K. Jones-Bley, M. E. Huld. — Washington : Institute for the Study of Man, 1996. — P. 23—41.
41. Palmer, L. R. Luvian and Linear A / L. R. Palmer // Transactions of the Philological Society. — 1958. — № 57. — P. 75—100.
42. Parpola, A. Formation of the Indo-European and Uralic (Finno-Ugric) language families in the light of archaeology: Revised and integrated ‘total’ correlations / A. Parpola // A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe, Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. — 2012. — № 266 / eds. R. Grünthal, P. Kallio. — P. 119—84.
43. Renfrew, C. A. Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins / C. A. Renfrew. — London : Penguin Books, 1987. — 368 p.
44. Sausverde, E. Seewörter and Substratum in Germanic, Baltic and Baltic Finno-Ugric Languages / E. Sausverde // The Indo-Europeanization of Northern Europe ; eds. K. Jones-Bley, M. E. Huld. — Washington : Institute for the Study of Man, 1996. — P. 133—146.
45. Schrijver, P. Talking Neolithic: The Case for Hatto-Minoan and its Relationship to Sumerian / P. Schrijver // Talking Neolithic ; eds. G. Kroonen, J. P. Mallory, B. Comrie. — Washington : Institute for the Study of Man, 2018. P. 336—374.

46. Sestieri, A. M. B. *L'Italia nell'età del bronzo e del ferro. Dalle palafitte a Romolo (2200—700 a.c.)*. — Roma : Carocci, 2010. — 405 p.
47. Vennemann, Th. *Linguistic Reconstruction in the Context of European Prehistory* / Th. Vennemann // *Transactions of the Philological Society*. — 1994. — № 92. — P. 215—284.
48. Wallace R.E. *Venetic* / R. E. Wallace // *The Cambridge encyclopedia of the World's Ancient Languages*; ed. R. Woodard. — Cambridge : University Press, 2004. — P. 840—856.
49. Wilkes J. *The Illyrians* / J. Wilkes. — Cambridge, Ma. : Wiley-Blackwell, 1992. — 384 p.
50. Witczak K. T. *The Pre-Germanic Substrata and Germanic Maritime Vocabulary* / K. T. Witczak // *The Indo-Europeanization of Northern Europe*; eds. K. Jones-Bley, M. E. Huld. — Washington: Institute for the Study of Man, 1996. — P. 166—189.

Сведения об авторе

Григорьев Станислав Аркадиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, 620990. stgrig@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2022. No. 2. P. 32—46.

Processes of Ethnic Genesis in Europe in the 3rd millennium BC

S.A. Grigoriev

*Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia. stgrig@mail.ru*

There are ideas that the migration of the Yamnaya tribes to Europe ca. 3000 BC led to the spread of the predecessors of modern European languages there. However, this hypothesis is not supported by evidence. The Corded Ware cultures of Europe were formed not on the Yamnaya basis, but on a local one and on the basis of an earlier Eneolithic impulse from the steppe. The process of ethnogenesis was very slow. The eastward migrations of the Fatyanovo and Abashevo peoples from Europe introduced the languages of the earlier Dene-Caucasian group which was spoken by the population of Neolithic Europe, except for the northeastern Balkans where people spoke Anatolian languages. The Yamnaya migration led to the displacement of speakers of the latter languages to Greece and Anatolia, as well as the formation and spread of Corded Ware cultures as well as the Venetic and Illyrian languages. Subsequent coming of Thracians to Southeastern Europe in the late 3rd millennium resulted in the displacement of the Veneti and Illyrians to the Balkans and the Apennines. The existence of this early Indo-European layer facilitated the following adaptation of the Baltic, Slavic, Germanic, Celtic and Italic languages in the region.

Keywords: *Chalcolithic, Early Bronze Age, migrations, Yamnaya and Corded Ware cultures, Europe, ethnogenesis, Veneti, Illyrians.*

References

1. Balanovskii O.P. *Genofond Evropy* [European Gene Pool]. Moscow, KMK, 2015. 354 p. (In Russ.).
2. Vasiliev V.L. *Drevneevropejskaya gidronimiya novgorodsko-pskovskih zemel'* [Ancient European Hydronymy of the Novgorod-Pskov Lands]. *Rusistika* [Russian Studies], 2004, no. 1, pp. 159—173. (In Russ.).
3. Gindin L.A. *Yazyk drevnejshego naseleniya yuga Balkanskogo poluostrova* [Language of the Most Ancient Population of the South of the Balkan Peninsula]. Moscow, Nauka, 1967. 207 p. (In Russ.).
4. Gusenkov P.A. *Eshche raz o gidronimii «zapadnobaltiiskogo» tipa v srednei polose Rossii* [Once Again About Hydronymy of the “Western Baltic” Type in Central Russia]. *Voprosy onomastiki* [Questions of onomastics], 2021, no. 18 (2), pp. 67—87. (In Russ.).
5. Ivanov V.V., Bongard-Levin G.M., Ardzinba V.G. (eds.) *Drevnevostochnye svyazi etruskogo yazyka* [Near Eastern Relations of the Etruscan Language]. *Drevnij Vostok: etnokul'turnye svyazi* [Ancient East: ethnocultural ties]. Moscow, Nauka, 1988. Pp. 215—216. (In Russ.).
6. Kozak D.N., Rusanova I.P., Symanovich E.A. (eds.) *Pshevorskaya kul'tura* [Pshevorsk Culture]. *Arheologiya SSSR. Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n.e. — pervoi polovine I tysyacheletiya n.e.* [Archeology of the USSR. Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC. e. - the first half of the 1st millennium A.D. e.]. Moscow, Nauka, 1993. Pp. 53—66. (In Russ.).
7. Kozak D.N. *Venedi* [Venedi]. Kiev, IA NAN, 2008. 470 p. (In Ukr.).

8. Krainov D.A., Bader O.N., Krainov D.A., Kosarev M.F. (eds.). Fat'yanovskaya kul'tura [Fatyanovo culture]. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* [Archeology of the USSR. The Bronze Age of the forest belt of the USSR]. Moscow, Nauka, 1987. Pp. 58—76. (In Russ.).
9. Kuklin A.N. Gidronimikon Volgo-Kam'ya na -sa, -za [Hydronymicon of the Volga-Kama on -sa, -za]. *Linguistica Uralica*, 2001, vol. XXXVII, no. 1, pp. 10—22. (In Russ.).
10. Machinskii D.A. Gerd, A.S. and Lebedev, G.S. (eds.). Territoriya «Slavyanskoi prarodiny» v sisteme geograficheskogo i istoriko-kul'turnogo chleneniya Evrazii v VIII v. do n. e. — XI v. n. e. (kontury kontsepcii) [The territory of the “Slavic homeland” in the system of geographical and historical-cultural division of Eurasia in the VIII century BC — XI century AD]. *Slavyane: etnogenez i etnicheskaya istoriya (mezhdisciplinarnye issledovaniya)* [Slavs: ethnogenesis and ethnic history (interdisciplinary research)]. Leningrad, Nauka, 1989. Pp. 120—130. (In Russ.).
11. Mimokhod R.A. Srednevolzhskaya abashevskaya kul'tura i kul'tura kolokolovidnykh kubkov: nabroski k semeinomu portretu [Middle Volga Abashevo culture and the Bell Beaker culture: sketches for a family portrait]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes], 2022, no. 2, pp. 122—150. (In Russ.).
12. Napol'skikh V.V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to historical Uralistics]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, 1997. 268 p. (In Russ.).
13. Rusanova I.P., Symanovich E. A. (eds.). Vvedenie [Introduction]. *Arkheologiya SSSR. Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n.e. — pervoi polovine I tysyacheletiya n.e.* [Archeology of the USSR. Slavs and their neighbors at the end of the millennium BC — the first half of the millennium A.D.]. Moscow, Nauka, 1993. Pp. 5—18. (In Russ.).
14. Sedov V.V. *Arkheologiya SSSR. Vostochnye slavyane v VII-XIII vv.* [Archeology of the USSR. Eastern Slavs in the VIII—XIII centuries]. Moscow, Nauka, 1982. 328 p. (In Russ.).
15. Sedov V.V. (ed.). Balty [Balts]. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya*, *Arkheologiya SSSR* [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1987. Pp. 353—419. (In Russ.).
16. Sedov V.V. Litva i krivichi [Lithuania and Krivichi]. *Lietuvos Archeologija*, 2001, no. 21, pp. 81—88. (In Russ.).
17. Starostin S.A., Ivanov V.V., Toporov V.N., Uspenskii B.A. (eds.). Praeniseiskaya rekonstruktsiya i vneshnie svyazi eniseiskikh yazykov [Pra-Yenisei reconstruction and external relations of the Yenisei languages]. *Ketskii sbornik* [Ket collection]. Leningrad, Nauka, 1982. Pp. 144—238. (In Russ.).
18. Starostin S.A., Bongard-Levin G.M., Ardzinba V.G. (eds.). Indoevropeisko-severokavkazskie izoglossy [Indo-European-North Caucasian isoglosses]. *Blizhnii Vostok: etnokul'turnye svyazi* [Middle East: ethnocultural ties]. Moscow, Nauka, 1988. Pp. 112—164. (In Russ.).
19. Anthony D.W. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world*. Princeton, University press, 2007. 568 p.
20. Bengtson J.D. Some features of Dene-Caucasian phonology (with special reference to Basque). *Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain (CILL)*, 2004. no. 30.4, pp. 33—54.
21. Carpelan Ch., Parpola A., Koskikallio P. (eds.). Emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in archaeological perspective. *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2001. Pp. 55—150.
22. Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. *Indo-European and the Indo-Europeans: A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and Proto-Culture*. Berlin, De Gruyter Mouton, 1995. 1274 p.
23. Gimbutas M. *The prehistory of Eastern Europe. Mesolithic, neolithic and copper age cultures in Russia and the Baltic area. American school of prehistoric researches. Harvard University Bulletin*, 20. Cambridge, Peabody Museum, 1956. 241 p.
24. Grigoriev S.A. *Ancient Indo-Europeans*. Chelyabinsk, Rifei, 2002. 496 p.
25. Grigoriev S. Archeology, language and genes: the Indo-European perspective. *Journal of Indo-European studies*, 2021, no. 1 & 2, pp. 187—230.
26. Grigoriev S. Origins of the Greeks and Greek dialects. *Journal of ancient history and archaeology*, 2022, no. 1, pp. 5—46.
27. Grigoriev S., Vasina Yu. *Megaliths of the Vera Island in the Southern Urals*. Oxford, Archaeopress, 2019. 296 p.
28. Gvozdanović J. On the linguistic classification of Venetic. *Journal of Language Relationship*, 2012, no. 7, pp. 33—46.

29. Haak W. et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, 2015, no. 522 (7555), pp. 207—211.
30. Häkkinen J. Early contacts between Uralic and Yukaghir. Per Urales ad Orientem, in: *Iter polyphonicum multilingue Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 2012, no. 264, pp. 91—101.
31. Katičić R.. *Ancient Languages of the Balkans*. The Hague, Paris, De Gruyter Mouton, 1976. 215 p.
32. Kloekhorst A. The Anatolian stop system and the Indo-Hittite hypothesis. *Indogermanische Forschungen*, 2016, no. 121 (1), pp. 213—247.
33. Krahe H. *Unsere ältesten Flussnamen*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1964. 123 p.
34. Lazaridis I. et al. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe. *Science*, 2022, no. 377. DOI: 10.1126/science.abm4247.
35. Mallory J.P., Adams D.Q. (eds.) *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London, Routledge, 1997. 875 p.
36. Manzura I.V. North Pontic steppes at the end of the 4th millenium BC: the epoch of broken borders, in: *Man, Culture and Society from the Copper Age until the Early Iron Age in Northern Eurasia. Contributions in honour of the 60th anniversary of Eugen Sava. Tyrageia International*, 2016, no. 1, pp. 149—171.
37. Maran J. *Kulturwandel auf dem griechischen Festland und den Kykladen im späten 3. Jahrtausend v. Chr.: Studien zu den kulturellen Verhältnissen in Südosteuropa und dem zentralen sowie östlichen Mittelmeerraum in der späten Kupfer- und frühen Bronzezeit*. Bonn, Habelt, 1998. 574 p.
38. Nichols J. Comments on Allan Bomhard, “The Origins of Proto-Indo-European: The Caucasian Substrate Hypothesis”. *Journal of Indo-European Studies*, 2019, no. 47 (1 & 2), pp. 149—156.
39. Nordqvist K., Heyd V. The forgotten child of the wider Corded Ware family: Russian Fatyanovo Culture in context. *Proceedings of the Prehistoric Society*, 2020, no. 86, pp. 65—93.
40. Ostmo E. The Indo-European question in a Norwegian perspective: a view from the wrong end of the stick? In Jones-Bley, K. and Huld, M.E. (eds.). *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. Washington, Institute for the Study of Man, 1996. Pp. 23—41.
41. Palmer L.R. Luvian and Linear A. *Transactions of the Philological Society*, 1958, no. 57, pp. 75—100.
42. Parpola A., Grünthal R., Kallio P. (eds.). Formation of the Indo-European and Uralic (Finno-Ugric) language families in the light of archaeology: Revised and integrated ‘total’ correlations. *A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*, 2012, no. 266, pp. 119—184.
43. Renfrew C.A. *Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins*. London, Penguin Books, 1987. 368 p.
44. Sausverde E., Jones-Bley K., Huld M.E. (eds.). Seewörter and Substratum in Germanic, Baltic and Baltic Finno-Ugric Languages. *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. Washington, Institute for the Study of Man, 1996. Pp. 133—146.
45. Schrijver P., Kroonen, G. Mallory, J.P. and Comrie, B. (eds.). Talking Neolithic: The Case for Hatto-Minoan and its Relationship to Sumerian. *Talking Neolithic*. Washington, Institute for the Study of Man, 2018. Pp. 336—74.
46. Sestieri A.M.B. *L’Italia nell’età del bronzo e del ferro. Dalle palafitte a Romolo (2200—700 a.C.)*. Roma, Carocci, 2010. 405 p.
47. Vennemann Th. Linguistic Reconstruction in the Context of European Prehistory. *Transactions of the Philological Society*, 1994, no. 92, pp. 215—284.
48. Wallace R.E., Woodard R. (ed.). Venetic. *The Cambridge encyclopedia of the World’s Ancient Languages*. Cambridge, University Press, 2004. Pp. 840—856.
49. Wilkes J. *The Illyrians*. Cambridge, Ma., Wiley-Blackwell, 1992. 384 p.
50. Witczak K.T., Jones-Bley K., Huld M.E. (eds.). The Pre-Germanic Substrata and Germanic Maritime Vocabulary. *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. Washington, Institute for the Study of Man, 1996. Pp. 166—189.